

М О Р А С К А Р Р

Имму НЕ ТРОГАТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мора Скарр
Эту не трогать

«Автор»

2026

Скарр М.

Эту не трогать / М. Скарр — «Автор», 2026

Меня похитили из-за брата. Мой охранник прячет лицо под маской, говорит шёпотом и ломает руки каждому, кто ко мне тянется. Я не знаю даже его имени. Знаю только, что хочу его, и ненавижу себя за это. А рядом с тем, кто меня держит, стоит Глеб Вершинин. Бывший лучший друг брата, который продался. Четыре года назад я призналась ему в любви, а он отправил меня домой. Теперь ему поручили решить, что со мной будет. Один из них меня спасёт. Другой — получит.***— Нравится смотреть? Так смотри, не стесняйся.— Прикройся.— А если не прикроюсь, что ты сделаешь? Перчатка поднимает мой подбородок.— Не играй.

© Скарр М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мора Скарр

Эту не трогать

Глава 1

Ася

Мешковина лезла в рот при каждом вдохе, и я, давась ею, никак не могла надышаться. Стяжку на запястьях кто-то затянул от души, пальцы уже покалывало. Фургон швыряло на каждой яме, и меня, сидящую на голом железном полу, било то плечом, то затылком. Рядом всхлипывала Лера.

А ведь три часа назад я сидела в баре на Рубинштейна с красным дипломом в сумке и думала, что хуже моего брата со мной ничего случиться не может.

Мы с Лерой обмывали этот диплом вторым бокалом игристого, и я то и дело косилась в окно. Там, расставив ноги и сложив руки на животе, торчал охранник, которого Кирилл с невинным лицом называл водителем. Водитель, ага. С пистолетом под пиджаком.

Телефон завибрировал и проехал по мокрому следу от бокала.

«В 23:00 дома. Машина у входа».

Ни поздравления, ни сердечка. Утром-то он поздравлял, стоя в дверях с букетом и шмыгая носом, а мокрые глаза свалил на аллергию. К вечеру от того Кира не осталось и следа.

Мне двадцать два года, и ни один парень у меня не дотянул до второго свидания. Брат умел так поговорить с человеком, ни разу не повысив голоса, что тот потом переходил на другую сторону улицы.

Лера, заглянув мне через плечо, закатила глаза.

— Одиннадцать? В белые ночи? Он издевается.

За окном было светло, как в пасмурный полдень. Конец июня, солнце толком и не садится, а Кирилл всё равно гонит меня домой до темноты, которой не будет.

— Пошли через кухню. — Лера придвинулась, и глаза у неё заблестели. — Там выход во двор. Один вечер без конвоя, Ась. Ты же заслужила.

— Он меня убьёт.

— Запрёт, и то не факт. — Она уже тыкала пальцем в экран. — Такси через пять минут. Мой тебе подарок.

Я ещё раз глянула на широкую спину за стеклом, и меня накрыл азарт, злой и щекотный, как в пятнадцать, когда я впервые соврала брату, где была. Пусть побесится. Один раз в жизни.

Такси стояло во дворе за мусорными баками, и водитель, даже не обернувшись, буркнул что-то. Машина нырнула под арку, но вместо того чтобы вырулить к Невскому, свернула глубже во дворы. Я только собралась спросить, куда это мы, как замки на всех дверях щёлкнули разом. Этот звук я знала: так Кирилл блокировал машину, когда я пыталась выскочить на светофоре посреди очередной ссоры.

Двор-колодец, серый и светлый, ни одного горящего окна. У стены стояли трое в чёрных балаклавах.

— Лер... — Я схватила её за руку.

Дверь рванули снаружи, и чья-то лапа выдернула меня за локоть. Упираясь ногами в порог, я заорала так, что заложило уши, и, не глядя, ударила сумкой куда-то в чёрную ткань. Сумку вырвали. Я лягнула, попала в колено, и кто-то, согнувшись, выдал длинный мат. Мне было так страшно, что ноги стали ватные, а руки дрались сами по себе.

Свободной рукой я нашарила цепочку на шее и вцепилась в мамино кольцо. Оно впилося в ладонь, и на секунду мне показалось, что, пока я его держу, со мной ничего не сделают.

— Пустите, суки! Вы хоть знаете, чья я сестра?!

— Знаем, — лениво отозвался кто-то.

Мне заломили руки, кольцо выскользнуло из пальцев, и на запястьях с треском затянулся пластик. Задрав голову, я успела увидеть серый квадрат неба над крышами. И Леру у машины: её держали за плечо, а она стояла и молчала. Тогда я решила, что это шок.

Потом на голову натянули мешок.

Теперь у меня стучали зубы. Я стискивала челюсти до боли, а они всё равно стучали, на весь фургон, как мне казалось.

— Мой брат вас найдёт, — выпалила я в темноту, и голос, конечно, сорвался на последнем слове.

Никто не ответил. Гудел мотор, всхлипывала Лера, и от этого равнодушного молчания мне стало страшно. Им было плевать, кто мой брат.

Нашарив связанными руками Лерину ладонь, я сжала её. Подруга вцепилась в меня так, что хрустнули пальцы. Я держала её и шептала какую-то чушь: что Кир нас вытащит, что сегодня же, что всё будет хорошо. Сама не верила ни единому слову.

Слева кто-то, сопя, пересел поближе. Пол прогнулся под его весом.

— А сестрёнка-то ничего, — хрипло протянул он у самого мешка.

Ладонь легла мне на колено и поползла вверх, задирая платье. Дёрнувшись, я приложилась затылком о стенку. Он хмыкнул и сжал бедро так, что завтра там наверняка будут синяки.

— Убери руки, урод!

— А то что?

Где-то сбоку шевельнулся кто-то тяжёлый. До этого он сидел так тихо, что я про него и не думала. Потом мерзко хрустнуло, и тут же кто-то завыл, а рука с моего бедра пропала.

Тот, слева, выл и матерился, другой орал:

— Ты чё, сдурел?!

Фургон мотало. Потом все разом заткнулись, остался только скулёж сквозь зубы.

Я вжалась в стенку и не дышала. Мешковина у щеки шевельнулась от тёплого дыхания.

— Эту не трогать.

Мужчина сказал это шёпотом, но все расслышали, а после он отсел, и с той стороны опять потянуло холодом от железа.

Руки в стяжке ходили ходуном. По-хорошему, надо было обрадоваться: заступились же. Только из головы не шло это его пренебрежение. Меня должны куда-то довезти целой.

Знать бы ещё, кому.

Глава 2

Ася

Лампу под потолком никто не выключал. Она висела голая, в железной сетке, и гудела.

Мешок сдёрнули сразу, как втокнули, стяжку срезали ножом, чуть не задев запястье. Дверь лязгнула, и всё, ни слова. Я обошла эту конуру по стенке, ведя ладонью по шершавому бетону, как будто где-то могло найтись окно. Не нашлось. Матрас, ведро, лампа. Белые ночи остались наверху, а с ними телефон, сумка и диплом, будь он неладен.

Лера лежала на матрасе калачиком, её колотило. Я села рядом, гладила её по голове и бубнила, как заведённая:

— Кирилл найдёт. Слышишь? Он весь город на уши поставит.

И ведь поставит. Он меня из любого клуба за двадцать минут выдёргивал, найдёт и подвал. Только стоило подумать про Кира, как перед глазами вставал его охранник у входа, а следом я сама, хихикающая на кухне бара.

Сама виновата, Ася. Сама полезла через задний двор, и свалить не на кого.

Лера подняла голову. У неё до подбородка растеклась тушь.

— Ась... а Кир тебе вообще ничего не рассказывал? Ну, про дела?

— Мне? — Я зло засмеялась. — Он мне не говорит, во сколько ужин. Ставит перед фактом.

— Может, хоть что-то? Куда ездит, с кем...

— Лер, я не знаю. Правда.

Она кивнула и снова уткнулась в матрас. Я решила, что она хватается за любую соломинку. Мне и самой было бы легче, если бы я знала. Стало обидно до слёз: меня украли из-за дел брата, а я про эти дела не знаю ровным счётом ничего. Он и тут держал меня в неведении.

Засов лязгнул. Я вскочила и встала перед Лерой, и колени тут же стали ватными.

Вошёл тот, из фургона. Балаклава та же, а узнала я его по сопению и по руке: правая, от пальцев до локтя, была в свежем гипсе, таком белом, что резало глаза.

Гипс, значит. Так я его про себя и назвала. Хоть как-то.

— Сидишь, сестрёнка? — Он подошёл вразвалку. — Мне из-за тебя кость собирали.

— Да чтоб вообще не собрали, — вырвалось у меня.

Он хмыкнул. Здоровой рукой поймал цепочку у меня на шее, накрутил на палец и потянул вверх, так что пришлось встать на цыпочки. Мамино кольцо закачалось у него перед глазами.

— Красивое. Золото?

— Отдай.

Он дёрнул. Цепочка впилась сзади в шею и лопнула, и я, потеряв опору, качнулась. Он сунул её в карман, а меня лениво пихнул в грудь. Я полетела назад и проехала ладонями по бетону. Кожу как тёркой содрало.

Он наклонился, и на меня пахло пивом и куревом.

— Это задаток. Твой пёс не всегда рядом сидит.

Мужчина ушёл. Лера ревела в голос, а я сидела на полу, выковыривала из ладоней бетонную крошку и всё трогала шею, где ничего не осталось.

Кольцо мне отдал Кир в вечер после похорон, когда все наконец разошлись и квартира пропахла кутьёй и чужими духами. Он сел передо мной на корточки, небритый, с красными глазами. Ему было двадцать три, и только что ему досталась я. Вложив кольцо мне в руку, Кир снял с себя цепочку. Крестик переместился на тумбочку, а брат продел кольцо и застегнул у меня на шее. Возился долго, потому что пальцы не слушались.

— Чтобы мама была рядом, — выдавил он.

С тех пор я его не снимала, даже в душе.

Когда дверь открылась снова, я не встала.

Вошёл тяжёлый из фургона, который сидел тихо. Я узнала его по росту: в дверях он пригнулся, хотя проём был обычный. Чёрная балаклава, чёрная одежда, перчатки. Он поставил на пол две бутылки воды, бросил свёрнутое одеяло и шагнул назад. Одеяло было одно и упало ко мне, а не к Лере.

Меня затрясло от злости.

— Ваш урод забрал мамино кольцо. — Мой голос сел, но всё равно звенел. — Доволен?

Он остановился. В прорези блеснули тёмные глаза и опустились на мою шею, потом на ладони, которые я прижимала к груди. Смотрел долго. Я ждала хоть чего-нибудь, что может, он засмеётся или пнёт меня, но мужчина просто развернулся и вышел.

Лера села, обхватив себя руками, и уставилась на одеяло у моих ног.

— А почему тебе?

— Что?

— Одеяло. Почему тебе, а не нам обеим?

— Откуда я знаю? — Я развернула его и накинула ей на плечи. — Ложись.

Она свернулась калачиком, а я сидела рядом, дула на саднящие ладони и вспоминала, как тяжёлый приказал меня не трогать. Меня берегли. Меня, а не Леру. И мне от этого почему-то было стыдно перед ней.

Сколько времени прошло, не знаю. Лампа гудела, Подруга то засыпала, то вздрагивала. Потом засов лязгнул в третий раз, и вошёл кто-то незнакомый, в балаклаве, с телефоном в руке. За его плечом, в проёме, темнел тяжёлый.

— Подъём. — Незнакомый ткнул в меня телефоном. — Будешь говорить с братом. Слово в слово.

Слава богу! Я вскочила так резко, что меня качнуло. Сейчас я услышу Кира. И он скажет, что всё под контролем, как говорит всегда, и впервые в жизни я ему поверю.

Глава 3

Ася

Кирилла в телефоне не оказалось. Тот, с телефоном, развернул его ко мне экраном, и там была я в мятом выпускном платье. Он ткнул в красную кнопку.

— Э, а Кир? — Я даже руку протянула, дура. — Ты сказал, что я поговорю с братом.

— С братом. Потом посмотрит. — Он сунул мне листок. — Читай, что написано, и без самодетельности.

Бумажка была вырвана из блокнота в клеточку, на ней печатные буквы и ни одной запятой: «Кирилл я жива. Со мной всё номально. Делай что говорят».

Номально! Меня, отличницу с красным дипломом, дёрнуло поправить, и от этого стало смешно и мерзко сразу.

Тяжёлый в маске подпирал плечом косяк. Лера сидела на матрасе, закутавшись в одеяло по самый нос, и смотрела на меня оттуда.

— Поехали.

Я подняла листок к лицу, будто за ним можно спрятаться. Бумага в пальцах шуршала, и я была уверена, что на записи только это шуршание и останется.

— Кирилл, я жива, — пропищала я, и самой стало противно от этого писка. — Со мной всё нормально. Делай, что...

Тут-то меня и понесло. Я вдруг ясно увидела Кира над ноутбуком, небритого, с красными глазами, каким он сидел передо мной на корточках после похорон. Сейчас он это посмотрит и отдаст им всё до копейки. Из-за меня, из-за одного вечера без конвоя.

Листок полетел на пол, а я уставилась прямо в чёрный глазок камеры.

— Кирилл, не отдавай им ничего! Слышишь? Ничего!

Тот выругался и вскинул руку. Я зажмурилась и вжала голову в плечи. Но удара не было.

Когда я открыла глаза, его запястье было зажато в чёрной перчатке. Тяжёлый стоял рядом, хотя только что подпирал косяк. Он даже не напрягся, просто держал, а у того белели пальцы на телефоне.

— Ты чё? — прошипел тот. — Она ж запись заперола!

Человек в маске молчал. Потом разжал пальцы, и тот отступил, трясая кистью.

— Ладно. — Он потыкал в экран и ухмыльнулся. — Отрежем. Хватит ему и этого.

Одно касание пальцем, и меня нет. Единственное, что я сказала сама, улетело в корзину, а брат увидит послушную куклу, которая просит его сдаться. Я сползла по стене и обхватила колени. Ободранные ладони снова засадили.

Засов лязгнул за ними.

— Ты что, хочешь, чтоб нас убили? — Лера смотрела на меня поверх одеяла круглыми глазами. — Ась, им же только повод нужен.

— Он бы сдался. Ты Кира не знаешь.

— Пусть сдаётся! — Голос у неё сорвался. — Что бы там ни было, пусть отдаст, и нас отпустят!

Я не ответила. Отпустят, как же. Хотелось в это верить так сильно, что заломило в груди.

За дверью потом долго бубнили. Слов я не разбирала, пока кто-то не подошёл вплотную, и в щель не потянуло дымом.

— Пока Лебедев своё не вернул, девку велено беречь.

— А потом?

Ему не ответили. Кто-то хмыкнул, и шаги ушли по коридору.

Я сидела, прижавшись щекой к холодному бетону. У Кира есть что-то, что им нужно, и пока оно у него, я жива. А когда отдаст?

Меня затошнило от страха так, что пришлось сглатывать.

Вернулись они не скоро. Лера успела задремать и проснуться, а я сгрызла ноготь до мяса. Тот, с телефоном, снова навёл на меня камеру и прочитал с экрана, кривя губы:

— Брат спрашивает, как звали собаку, которую вам так и не завели.

Мне было двенадцать. Мама сидела на подоконнике на даче, папа чинил крыльцо и ругался на гвозди. Они пообещали, что как достроят веранду, сразу же возьмут щенка. Я неделю выбирала кличку и выбрала самую дурацкую на свете, а папа так хохотал, что уронил молоток себе на ногу. Веранду достроили, щенка всё откладывали, а потом не стало ни мамы, ни папы. Кир собаку так и не завёл, говорил, некогда. Я думала, ему просто больно.

— Шпрот, — выговорила я в камеру. — Его звали Шпрот.

И разревелась. Впервые с той минуты, как в такси щёлкнули замки. Некрасиво, с соплями, уткнувшись в колени, и плевать мне было на камеру. Кир спросил про Шпрота, выходит, он смотрел запись. Он там, ищет и проверяет, что я — это я.

Лера гладила меня по спине и молчала. Тот, с телефоном, хмыкнул и вышел.

Человек в маске задержался на пороге. Я ждала, что он хмыкнет, как тот, или отвернётся. Он стоял, загородив собой весь проём, пока я не вытерла лицо рукавом. Только тогда шагнул назад и закрыл дверь.

Лера уснула, когда я уже перестала надеяться. Лампа гудела всё так же, и было непонятно, ночь там, наверху, или утро.

Засов отодвинули тихо. Тяжёлый вошёл с бутылкой воды и пакетом хлеба, поставил всё у матраса и выпрямился. Я задрала голову. Снизу мужчина казался ещё огромнее.

— Как тебя зовут? — спросила я шёпотом, чтобы не разбудить Леру.

Он не ответил.

— Ну хоть как-нибудь. — Я шмыгнула носом. — Я всем своим собакам имена давала. Даже тем, которых не было.

Глаза в прорези смотрели на меня, и прочитать в них я ничего не смогла. Он развернулся и вышел.

— Ладно, — буркнула я в закрытую дверь. — Будешь Маской.

Потом я, кажется, задремала, потому что засов лязгнул, и я подскочила на матрасе. В дверях стоял тот, с телефоном. За его плечом в коридоре было пусто, и я поймала себя на том, что ищу глазами чёрную балаклаву.

— Вставай. Тебя хочет видеть хозяин.

Глава 4

Ася

Лестница из подвала упёрлась в дверь, а за ней пахло корицей, свежей выпечкой и тёплым тестом, как пахнет у кого-то дома в воскресенье. Я застыла на пороге, и тот, с телефоном, пихнул меня между лопаток.

— Шевелись.

Каблуки разъезжались на натёртом паркете. Вдоль стены висели картины в тяжёлых рамах, под ногами пружинил ковёр, где-то мерно тикали часы. Я обернулась на лестницу, но там было пусто. Маска так и не пришёл.

Глупо было его искать. Такой же громила в балаклаве, как остальные, и стерёг он меня по приказу. Только в подвале при нём Гипс ко мне не совался, а здесь я шла одна, и мне было страшно до дрожи в коленках.

И этот запах. В подвале хотя бы понятно, кто я и зачем меня держат пленницей. А тут, прямо у меня над головой, пока я сидела на матрасе и выковыривала из ладоней крошку, кто-то пёк булочки. Люди, которые так могут, способны вообще на что угодно.

Охранник постучал в дверь в конце коридора.

— Войдите, — отозвался мягкий голос.

Первым я увидела огромное окно от пола до потолка. Свет резанул по глазам, и сквозь слёзы проступили сосны. Город, выходит, далеко, ори тут сколько хочешь. Сколько я просидела внизу, день или два, по этому небу не поймёшь: в июне оно белое и в полдень, и в три часа ночи.

У окна, против света, кто-то стоял. Высокий, спиной ко мне, руки в карманах. Ещё один сторож, да и ладно, смотреть на него не стала. Хватит с меня сторожей.

Потому что за столиком у книжных полок сидел хозяин. Разливал чай из пузатого чайника и следил, чтобы не капнуло на скатерть. Я зацепилась взглядом за очки в тонкой золотой оправе, за аккуратную седину и не сразу сообразила, откуда знаю это лицо.

Из телевизора! Он перерезал ленточку у детской больницы и гладил по голове девочку с бантом, а я ещё подумала: какой милый дед. Ланской. Депутат и меценат.

— Ася, правильно? — Он улыбнулся мне, как родной. — Садитесь, пожалуйста. Вы, наверное, голодны.

Дверь за спиной тихо закрылась: тот, с телефоном, ушёл.

Садиться я не собиралась, но ноги подогнулись сами, и я рухнула в кресло, прижимая к груди ободранные ладони. Прямо передо мной стояла тарелка с булочками в глазури. Живот скрутило от голода, и я испугалась, что он сейчас заурчит на весь кабинет. Вот будет позор.

— Сахар? Лимон?

— Мне бы домой. — Голос сел, пришлось откашляться. — Без сахара.

Он засмеялся по-доброму и поставил передо мной чашку.

— Понимаю. Что у вас с руками?

Я разжала ладони. Ссадины подсохли и стянули кожу коркой. Ланской посмотрел на них поверх очков и поджал губы.

— Неприятно. Я просил обращаться с вами бережно.

— Вот и передайте вашему, с гипсом. Он ещё мамино кольцо забрал.

— Передам.

Это прозвучало так спокойно, что я ему поверила. И стало только хуже: мне вдруг захотелось знать, что бывает с людьми, которым он что-то передаёт.

— Где Лера? — выпалила я. — Её-то за что? Она вообще ни при чём.

— О подруге не беспокойтесь. С ней всё будет хорошо.

Он отпил чаю. Я вцепилась в свою чашку, хотя пить не собиралась. Он выговаривал слова так ласково, что меня затошнило.

— Ваш брат, Ася, взял кое-что, что ему не принадлежит. Сгоряча, я думаю. Молодые люди часто путают смелость с умом.

— Что именно?

— Пусть он сам вам расскажет. Когда вернёт.

— Кирилл ничего не брал.

— Вы так уверены? — Он чуть склонил голову. — А вы знаете, чем он занимается?

Я промолчала, и щёки вспыхнули. Он знал про моего брата больше меня, и знал, что я это понимаю.

— Мои люди были у вас на даче, — продолжил он всё так же мягко. — Красивое место. Веранда особенно хороша. Сами строили?

По спине пробежался холодок.

— Вы залезли в наш дом!

— Ничего не нашли, если вас это утешит.

Мужчина положил себе в чашку ложку сахара, потом аккуратно вторую, не просыпав ни крупинки. Я смотрела на его руки и наконец поняла.

Те, внизу, ходили в балаклавах и друг друга по именам не звали. Прятали лица от меня. А этот сидел напротив с лицом, которое знает весь город, и пил чай. Прятаться ему было незачем: я никому ничего не расскажу.

Меня затрясло. Чашка застучала о блюдце, а чай плеснул на колени, и я даже не почувствовала, горячо или нет.

— Вы меня не отпустите.

— Всё зависит от вашего брата, — мягко ответил Ланской.

Он ничего не отрицал, даже спорить не стал.

Высокий у окна за весь разговор так и не шевельнулся.

Ланской отставил чашку и посмотрел на меня с сочувствием, как на внучку, которая загулялась допоздна.

— Вы устали. Идите отдохните. — Он повернул голову к окну. — Глеб, проводи девушку.

Ещё и имя назвал вслух, словно меня уже нет.

Глеб — имя самое обычное, мало ли Глебов в Питере. Только у меня внутри всё окаменело, а пальцы сами потянулись к шее за кольцом и нашли пустоту.

Тёмный силуэт отлепился от света и повернулся.

На меня смотрел Глеб Вершинин, друг моего брата. Человек, которого я четыре года училась ненавидеть, стоял в доме у того, кто меня украл, и ждал, когда я встану.

Глава 5

Ася

За четыре года я столько раз сочиняла, что скажу Вершинину при встрече, что хватило бы на сборник. Ни в одной версии я не сидела в мятом выпускном платье, с мокрыми от чая коленками и голой шеей.

Он стоял у окна и спокойно разглядывал меня. Глеб стал шире, чем я помнила: тёмный костюм, щетина, кривой нос, сломанный ещё на боксе. Руки в карманах.

Ланской перевёл взгляд с меня на него и с интересом поднял брови.

— Вы знакомы?

— Сестра одного должника, — бросил Глеб. — Видел пару раз.

Голос у него стал незнакомый и тихий, будто из него всё вынули. Раньше он ржал на всю Кирову кухню так, что звенели стаканы в сушилке.

— Пару раз? — Ланской снял очки и протёр их салфеткой. — Глеб, ты же с её братом с детства не разлей вода. Мне рассказывали.

Вершинин секунду молчал, а после ответил:

— Были.

Одним словом он вычеркнул Кирову кухню, дачу, раскладушку в коридоре, на которой ночевал чуть не каждую неделю. Вычеркнул тот год после похорон, когда приходил к нам по вечерам и молча чинил то кран, то полку, лишь бы Кир не сидел один. Меня-то вычёркивать не пришлось, потому что меня там и не было.

Полтора года назад Кир вернулся домой серый, хлопнул дверью так, что с вешалки слетела куртка, и выдавил одно:

— Вершинин продался.

Кому, не сказал. Я тогда позлорадствовала про себя: хоть кто-то, кроме меня, узнал ему цену.

Теперь я знала кому.

Колени тряслись, мокрый подол лип к ногам, но я поднялась.

— Ну и почём нынче друзья? — Голос дал петуха, плевать. — За Кира сколько дали? Или за меня отдельно доплатили?

Ланской откинулся в кресле и звякнул ложечкой о чашку. Глеб даже не моргнул.

— Предатель. Шестёрка. Ты у него кто, чай подносишь?

— Тебе поднесу, — отозвался он. — Если попросишь.

И пошёл ко мне через кабинет, не вынимая рук из карманов. Я попятилась, пока лопатки не упёрлись в стену между книжными полками. Он встал так близко, что пришлось задрать голову. Пальцем меня не тронул, просто деваться стало некуда. Пахнуло терпким парфюмом, дорогим. Раньше от него пахло бензином и мятной жвачкой.

Последний раз я стояла к нему так близко в свой восемнадцатый день рождения. Какой-то пьяный урод полез ко мне на танцполе, за ним последовали его дружки, и Глеб выдернув меня из этой каши, выволок на улицу. На ступеньках у служебного входа меня трясло, и я сказала, что люблю его. Давно, с того лета на даче. И поцеловала, встав на цыпочки, пока не струсила.

Он оторвал меня от себя так резко, что я чуть не слетела со ступенек.

— Ты сестра Кира. Ты ребёнок. Иди домой.

Я шла пешком через полгорода и ревела в голос. С тех пор я его ненавидела. Получалось через раз.

Но сейчас чувства вспыхнули вновь.

— Выговорились? — спросил он.

— Сука ты, Вершинин.

— Теперь слушай. Здесь ты долг, Лебедева. Сидишь тихо, ешь, что дают, рот открываешь, когда спросят. — Он чуть наклонил голову. — К тебе приставлен мой человек. Дёрнешься — он сломает тебе руку.

Это Тяжёлый в балаклаве. Я ведь гадала тогда, для кого меня везут целой. Для него. Глеб Вершинин распорядился меня не кантовать и доставить хозяину без единой царапины. А Маска, который ждал на пороге, пока я вытру соплю рукавом, никакой жалости ко мне не испытывал. Он просто берёт хозяйское.

От этой мысли меня затошнило. Горло перехватило, и вместо ответа вырвался всхлип. Глеб скользнул взглядом по моим ободранным ладоням, прижатым к стене, и отступил на шаг.

— Ну вот, — мягко заметил Ланской. — Совсем другое дело.

Он надел очки, сложил салфетку и посмотрел на Глеба так ласково, что я вжалась в стену.

— Она твоя. Если брат не согласится, ты же с ней и разберёшься.

— Понял, — ответил Глеб и пропустил меня к двери.

Он даже ничего не уточнил. Видимо, и так знал.

Глава 6

Ася

Здесь было высокое окно с широким подоконником, и я, едва за мной закрыли дверь, кинулась к нему и дёрнула ручку. Рама поддалась, а за ней стояла серая рольставня, опущенная до самого низа. Свет пролезал только в щель над подоконником тонкой белой полоской. Я торчала около неё, пока не заломило шею.

После подвала комната выглядела почти гостиничной: кровать с покрывалом, тумбочка, ковёр, за дверцей крошечный душ. Мне выдали полотенце, а я всё думала, что Лера осталась одну внизу, на матрасе, под гудящей лампой.

Я ходила от окна к двери и обратно и ненавидела всех. Ланского с его булочками, Вершинина с его пренебрежительным узнаванием меня, себя с побегом через кухню. А больше всех того, кто стоял за дверью. Слышно было, как он тяжело переступает с ноги на ногу. Пёс Вершинина.

Утром, если это было утро, он вошёл с подносом, на которой чуть дымились гречка, котлета, хлеб, чай в кружке. Поставил всё на тумбочку и отступил к двери.

— Хозяину своему отнеси. — Я схватила тарелку. — Пусть сам жрёт.

Она грохнула о стену рядом с его плечом и разлетелась. Гречка поползла по обоям. Мужчина не дёрнулся. Посмотрел на стену, затем на мои руки: корка на ладонях лопнула, и их снова засадило. Потом вышел, а я стояла и ждала, что сейчас войдут ломать мне руку, как обещал Вершинин. Колени тряслись.

Вскоре вошёл он же, с новой тарелкой, с такой же гречкой и такой же котлетой.

— Ешь, — шёпотом произнёс Тяжёлый.

— Подавись.

Он вышел. Я продержалась минут десять, потом села на край кровати и съела всё, давась и вытирая нос рукавом. Гордая, ага. Гордости хватило всего лишь на одну тарелку.

Вершинин пришёл, когда я выучила наизусть каждую трещину на потолке. За ним ввалился тот, с телефоном, которого я про себя уже окрестила Оператором: он и сейчас вертел в пальцах мобильник.

Глеб встал посреди комнаты, убрав руки в карманы, и глянул на гречку на обоях.

— Буянишь?

— Кормят плохо.

— Твою подружку не кормят вообще. — Голос у него не поменялся ни на полтона. — И не поят с утра.

Меня окатило холодом с головы до ног.

— Она-то при чём?! Её за что?

— Ни за что. — Вершинин пожал плечами. — Хочешь, чтобы ей дали попить? Попроси.

Он ведь примерно это сказал это ещё у Ланского, а я приняла за издёвку. Выходит, Глеб тогда пообещал, что я буду умолять, а я не расслышала.

— Дайте ей воды, — процедила я.

— Нормально попроси.

Оператор у двери хмыкнул. Щёки у меня вспыхнули.

— Да пошёл ты.

Достав свой телефон, Глеб полистал его и развернул экраном ко мне. Там я увидела пятиэтажку с облупленным подъездом, лавочку, на которой лежал рыжий кот. Этот подъезд я знала. На этой лавочке мы с Лерой на первом курсе курили одну сигарету на двоих, а её мама кричала с третьего этажа, что всё видит.

— Купчино, — уронил он и убрал телефон. — Мать на пенсии, за хлебом выходит в девять. Не попросишь — завтра к ней съездят.

Он не повысил голоса и пальцем меня не тронул. А мне стало так страшно, что подкатила тошнота, как в фургоне. Эти люди могли поехать к пожилой женщине просто потому, что я заупрямилась.

— Пожалуйста, — выдавила я. — Дайте ей воды.

— К кому ты обращаешься?

Он стоял и ждал, и я поняла чего. Меня затрясло от злости. Четыре года я звала его только по фамилии, и то про себя. Имя застряло в горле вместе с той ночью, когда я глупо призналась ему в любви.

— Пожалуйста... Глеб.

Вышло хрипло и тихо. Оператор присвистнул. Вершинин долго молчал, смакуя, наверное. Потом повернул голову к двери.

— Воды вниз. Её отведи. Пять минут.

Он прошёл мимо, не взглянув, и вышел. А я стояла с горящим лицом и думала, что лучше бы он меня ударил.

Схватив за локоть, охранник потянул меня вниз.

Лера сидела на матрасе, обхватив колени. Оператор кинул ей бутылку, она вцепилась в неё обеими руками и пила, захлёбываясь и проливая на платье. Рукав кардигана съехал к локтю.

Чуть выше запястья, на внутренней стороне руки, темнел лиловый синяк с жёлтым краем, во всю ширину чьей-то пятерни.

Сев рядом, я поймала её за запястье.

— Лер, кто?

Она быстро одёрнула рукав и покосилась на дверь, где Оператор щёлкал зажигалкой. Потом придвинулась ко мне вплотную и зашептала на ухо:

— Меня утром наверх поднимали. К нему.

— К Ланскому?

Лера мотнула головой. Пальцы у неё были ледяные.

— Это он, Ась. Твой Вершинин.

А я час назад назвала его по имени и унижалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.